

Нелепо.

Вот что это было. Нелепо.

Гарри чувствовал, как внутри него бурлит раздражение при одном только упоминании о том, что к нему приехала эта отвратительная женщина. Ведь она была единственной женщиной, которая ужасно действовала Гарри на нервы - настолько, что Гарри даже не мог сохранить ни капли вежливости по отношению к этому чудовищу. Как же Гарри ее презирал, и как же Мораториум жаждал ее убить.

Однако Гарри должна была оставаться хорошей девочкой, и поэтому она только и делала, что тупо пялилась, когда ей сообщали ужасные новости. В ночь, когда пришла Та Женщина (Гарри не могла даже признать ее имя - так называли существ, которые считались достаточно достойными, чтобы носить его, а она таковой не являлась), Гарри почувствовала, как скрежещут ее зубы, когда ее заставили прислуживать семье.

Ей очень, очень не нравилось жить с ними.

Как только она сможет съехать, она так и сделает. Семнадцать лет не казались такой уж далекой датой.

Наконец, когда ужасная трапеза закончилась (ей потребовалась вся сила самообладания, чтобы не потакать желаниям Мораториума и не выгнать женщину, как только она начала отпускать ехидные комментарии о родителях Гарри), Гарри ворвалась в свою комнату, захлопнула дверь, протащила по ней книжный шкаф и разразилась чередой проклятий.

"Я ненавижу эту женщину. Правда ненавижу. Я ненавижу этот дом. Правда, правда, ненавижу", - пробормотала Гарри, на секунду-другую задержав взгляд на решетке окна. На самом деле они её не беспокоили: Добби специально заколдовал их так, чтобы они прогибались под её особым прикосновением. Хотя ей самой не разрешалось использовать магию вне школы, её эльфу разрешалось.

Гарри коротко выдохнул и, крутанувшись на месте, упал на её кровать. Гарри окинул взглядом аккуратную комнату и остановился на вырезанной из газеты фотографии - на ней была изображена семья Рона и Джинни, отправившаяся на отдых в Египет.

Поначалу Гарри не собирался включать Джинни в свой альянс. Особенно когда эта глупая девчонка так легко поддалась на манипуляции Тома, но, проведя с ней несколько часов, Гарри обнаружил, что Джинни ей вполне нравится. В этой девушке было что-то симпатичное. И она, и Рон обязательно написали Гарри о том, как провели время в Египте. Другие друзья Гарри тоже поддерживали связь. Драко провел насыщенное лето на каникулах с матерью и отцом; Гермiona, похоже, тоже наслаждалась летом с родителями; Невилл и его бабушка действительно отправились на собственные каникулы; Фред и Джордж (как и Рон с Джинни) тоже писали Гарри о Египте...

Гарри почувствовал небольшой укол в груди.

У всех была семья.

Гарри никогда не хотела иметь семью. Та, что была у нее, была ужасной, и она не могла представить себе другую семью. Да она и не планировала ее заводить. Ее родители умерли, и она признавала, что они пожертвовали собой ради нее. Какая-то ее часть чувствовала, что, желая иметь семью, она разрушает их жертву ради нее. Другая, более доминирующая, часть ее сознания предупреждала, что семья того не стоит. Не стоит иметь друзей. Она была Мораториумом, а Мораториум не мог позволить себе ни друзей, ни семью, ни любимых. Это было слишком опасно. Всех нужно было держать на расстоянии вытянутой руки, чтобы в случае чего можно было оборвать ниточки, не разбив сердце Гарри и Мораториума.

Это был самый логичный подход, самый рациональный.

Мораторий не хотел иметь ни семьи, ни друзей.

Гарри Поттер долгое время считал, что ей тоже не нужны ни семья, ни друзья.

Она признавала, что ей нравится проводить время со своими альянсами, и ей очень нравилось, что семья Уизли была очень дружной, но она также говорила себе, что они никогда не смогут стать чем-то большим, чем альянс.

Так было безопаснее всего.

Гарри покачала головой, все еще чувствуя в себе гнев, вызванный "Той женщиной".

Подойдя к окну, она открыла его, отогнула решетку и спрыгнула вниз, в кусты. Ей было не до того, чтобы возвращаться в комнату - она всегда могла позвать Добби и попросить его отвести ее обратно в комнату.

Взяв в руки палочку, она начала идти к парку.

Дойдя до места назначения, она присела на качели и протяжно вздохнула.

Несмотря на то, что она больше не жила в чулане под лестницей и даже имела комнату приличных размеров, она все еще чувствовала себя зажатой в этом душливом доме.

Вдруг раздалось тихое фырканье, и Гарри устало поднял голову, прежде чем ее взгляд остановился на бродячей собаке.

"Желтоглазый черт, как же я скучаю по своему малышу", - вздохнул Гарри, отворачиваясь от собаки и вспоминая своего любимого Василиска в Хогвартсе. "Почему я не могу поторопиться и вырасти, чтобы вернуть своего любимого питомца домой? Бедняжке, наверное, так одиноко в Хогвартсе..."

Собака фыркнула и нерешительно пошла вперед.

Гарри снова повернулся к собаке. "Разве ты не лохматая тварь? Я не ммм..."

Гарри порылся в карманах и наконец вытащил небольшую коробку крекеров. Она купила их пару дней назад в торговом автомате, когда ходила за покупками. Она собиралась съесть их сразу же, но отвлеклась и вскоре забыла их в кармане куртки.

Она открыла коробку, достала несколько крекеров и протянула их собаке.

Проклятый Хагрид. Клянусь, я все больше и больше становлюсь любителем животных, с нежностью подумал Гарри, когда собака подошла ближе и обнюхала крекеры.

Гарри протянула другую руку и провела пальцами по грязной шерсти собаки. Когда вся коробка крекеров была съедена, пес уселся на корточки и стал вылизывать свои отбивные. Гарри предположила, что это самец, но признала, что это вполне могла быть и самка. Она осторожно почесала его за ушами, и он издал небольшое рычание.

"А, значит, не нравится?" Гарри рассмеялась, убирая руки и укладывая их на колени. "Справедливо, справедливо".

Пес еще раз заскулил и положил свою массивную голову ей на колени. Гарри убрал руки и нежно погладил собаку по голове.

"Я бы хотел взять тебя с собой в Хогвартс", - сказал ему Гарри. "У меня есть идеальное место, чтобы спрятать тебя. Я всегда хотел собаку... Вообще-то я хотел домашнее животное, но именно собаку. Хагрид купил мне сову на день рождения, и я его очень люблю, но он не такой уж ласковый. У меня есть еще один питомец - твои глаза мне его напоминают, - но пока я могу держать его только в Хогвартсе. Он слишком заметен".

Собака наклонила голову и посмотрела на Гарри.

"Мне очень жаль, но я бы очень хотел", - искренне сказал Гарри собаке. "Мне бы тоже хотелось вернуть тебя в тот дом, но я не думаю, что смогу спрятать тебя, не прибегая к магии, а это чревато неприятностями. Не говоря уже о том, что это не место для животного любого рода".

Собака тихонько заскулила.

"Поверь мне, - сухо сказал Гарри, - одиннадцать лет они держали меня в шкафу, как человеческого ребенка, и использовали не более чем как слугу. Не говоря уже о реальных наказаниях..."

Гарри замолчала, ее руки сжались в кулаки, и она боролась с сильными пузырьками ярости, которые начали подниматься внутри нее. "Поверь мне, собака, ты не захочешь там оставаться".

Собака тихо зарычала и отошла от Гарри, яростно расхаживая взад-вперед.

Ярость Гарри улеглась, и она с весельем наблюдала за собакой. "Полагаю, мне следует вернуться туда, хотя..."

Собака резко гавкнула, покачав головой в знак решительного отказа.

"О?" риторически спросил Гарри. "Ты так не думаешь? Какой умный пес. Я тоже так не думаю, но я должен остаться с ними, пока мне не придет время возвращаться в Хогвартс".

Пес издал еще один резкий лай и снова покачал головой.

Гарри не стал отвечать животному, предпочтя вместо этого позвать: "Добби?"

<http://tl.rulate.ru/book/101939/3524340>